

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2023. № 1–2 (38–39), pp. 98–109. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 82.091

DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-98-109

ПРОБЛЕМАТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА МУРАД-БЕЯ МИЗАНДЖИ «НОВЫЙ ИЛИ НОВИНКА?»

*Ахмед Магомедович Муртазалиев*¹

¹ Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия
доктор филологических наук, заведующий отделом литературы и Центром по изучению литературного наследия Расула Гамзатова
ORCID: 0009-0005-6210-6948
e-mail: ahmurt@mail.ru

© ИЯз РАН, 2023

© Муртазалиев А.М., 2023

Аннотация: В статье выявляются особенности поэтики и проблематики (композиционная организация, идея, тема, стиль, художественное содержание, образная система и пр.) романа известного турецкого просветителя XIX в. Мурад-бея Мизанджи «Новый или новинка?». Подробно анализируется система образов романа, компоненты повествования (монологи и диалоги), жанрообразующие формы (дневниковые записи, письма), литературные приемы (хронотоп, категория места) и др. Приводится обзор критической литературы, посвященной данному роману, делается упор в первую очередь на социальный характер его содержания. В статье делается вывод о том, что автор произведения стремится изобразить будущее османское общество, основанное на социально-экономических и культурно-нравственных ценностях ислама, однако многое в этом представлении носит утопический характер. Крушение этого мира писатель не показывает в явном виде, а лишь предсказывает намеками, завуалировано. Несмотря на общий оптимистический характер повествования, веру в исполнение надежд и скорое обновление жизни, роман «Новый или новинка?» построен на реалистических принципах. Он целиком обращен к теме реформирования османского общества второй половины XIX в., социального и духовного раскрепощения и нравственного совершенствования всех его слоев.

Ключевые слова: турецкая литература, художественная проза, Мурад-бей Мизанджи, роман «Новый или новинка?», эпоха Танзимата, жанр, образная система, герой.

Для цитирования: *Муртазалиев А.М.* Проблематика и художественное своеобразие романа Мурад-бея Мизанджи «Новый или новинка?» // *Российская тюркология*. 2023. № 98–109. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-98-109.

Issues and artistic features of Murad-bey Mizancı's novel "Turfanda mı Yoksa Turfa mı?" ("Is It Modern or Bigoted?")

*Ahmed Magomedovich Murtazaliev*¹

¹ G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Daghestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
Ph.D. in Philology, Head of Literature Department and Center for the Study of Rasul Gamzatov's Literary Heritage
ORCID: 0009-0005-6210-6948
e-mail: ahmurt@mail.ru

© IL RAS, 2023

© Murtazaliev A.M., 2023

Abstract: In this article the author attempts to identify features of poetics and issues (compositional organization, the idea, the theme, artistic content, image system, etc.) of the novel "Is It Modern or Bigoted?" by the known Turkish author Murad Bey Mizancı. The system of novel's figures is thoroughly analyzed, as well as the components of storytelling (monologues and dialogues), the genre-shaping units (diary notes, letters), literary techniques (chronotope, category/use of place), etc. There is also a review of critical literature on the novel, focusing mostly on the social nature of the content. Reading this article one can conclude that the novel's author intends to depict the future of the Ottoman society, based on Islamic socioeconomic and cultural ethics, but many features of his view are entirely utopian. The writer does not show us the destruction of this world, he only drops some hints and issues a veiled warning. Though the narration is definitely optimistic in its essence, one can note the faith in hope and renewal, the novel "Is It Modern or Bigoted?" is built on the principles of realism. It is fully directed at the aspect of the Ottoman social reform of the second half of the 19th century, accompanied by spiritual emancipation and moral progress among all of its strata.

Key words: Turkish literature, fiction, Murad-bey Mizancı, novel "Is It Modern or Bigoted?", Tanzimat era, genre, image system, hero.

For citation: *Murtazaliev A.M.* Issues and artistic features of Murad-bey Mizancı's novel "Turfanda mı Yoksa Turfa mı?" ("Is It Modern or Bigoted?") // Russian Turkology. 2023. № 98–109. DOI 10.37892/2079-9160-2023-1-2-98-109.

Введение

Одним из первых произведений, положивших начало качественно новому этапу развития жанра романа и художественной прозы в турецкой литературе, является сочинение Мурад-бея Мизанджи¹ «Новый или новинка?» («Turfanda mı

¹ *Мурад-бей Мизанджи (Мизанчи) Дагестанлы* (имя при рождении – Хаджи-Мурад Амиров, тур. Mizancı Murat) (1854–1917) – выходец из Дагестана, выдающийся османский государственный и общественный деятель второй половины XIX в., журналист, переводчик, историк и писатель, доктор политологии и теологии, директор Мужского педагогического института в Османской империи. Автор исторических, литературных, автобиографических и мемуарных произведений: «Всеобщая история (Tarih-i 'Umûm)». В 4-х т. – Стамбул, 1879–1881; «Сочинение эпохи Хамида (Devr-i Hamîdî Âsârı)». Библиографическая книга. – Стамбул, 1890; «Краткая история ислама (Muhtasar Tarih-i İslâm)». – Стамбул, 1890; «Сила и слабость Турции (La Force et la Faiblesse de la Turquie)». – Женева, 1897; «Тираническая пята на пути свободы (Hürriyet Vadisinde Bir

Yoksa Turfa mı?»)². В нем сочетаются структурные элементы автобиографического и социально-критического романов. В сюжетной основе произведения – личное представление, идеи и взгляды писателя о совершенном, идеальном исламском обществе под османским правлением. Автор не только поднимает глобальные проблемы переустройства всех сторон турецкого общества, особенно воспитания подрастающего поколения и образования народа, но и указывает пути их решения.

Практически все исследователи, как турецкие, так и иностранные, обращавшиеся к сочинению Мурад-бея Мизанджи, делают упор именно на социальный характер его содержания. В частности, американский тюрколог Роберт Патрик Финн пишет: «Это и утопический, и указывающий путь роман. Особенно бросаются в глаза разделы, в которых показана эволюция взглядов Мансура относительно положения империи и путей исправления этого положения. Проблемы своего времени автор романа анализирует атакующим языком, с точки зрения молодого человека, вернувшегося на родину» [Finn 1984: 71]. Исследователь жизни и творчества Мурад-бея Мизанджи, турецкий литературовед Бирол Эмиль констатирует, что «это произведение с позиции образов и идей, заключенных в нем, поднимает самые острые социальные проблемы не только среди романов своей эпохи, но, если посмотреть шире, то и во всей прозе эпохи Танзимата»³ [Emil 1980: 8].

Такая социальная направленность, особенно характерная для первых турецких романов, была обусловлена тем, что их авторы, как правило, были людьми просветительских взглядов, активно занимавшимися политическими и общественными проблемами, что, в свою очередь, не могло не отразиться на их творчестве. Как произведение острой социально-критической направленности роман «Новый или новинка?» обнаруживает интересную типологическую общность с произведениями других национальных литератур. В частности, с романами «Что делать?» Н. Г. Чернышевского, «Пути праведных» персидского писателя Абдурахима Галибова, «Арая» эфиопского писателя Гырмачоу Тэклэ Хавариата, где реализуются идеи социального переустройства общества, в котором они живут.

В предисловии «Особое мнение» к своему сочинению писатель так комментирует мотивы, подтолкнувшие его к написанию романа: «У нас очень легко дается название “роман”. Пять, десять лет как читатели с большим удовольствием читают описания пошлых любовных сцен под названием “народный роман”, кото-

Pençe-i İstibdad)». Мемуары. – Стамбул, 1908, 1998; «Безнадежное утешение на развалинах тирании (Enkâz-ı İstibdâd içinde Züğürdün Tesellisi)». Мемуары. – Стамбул, 1911; «Есть ли оправдание бедности? (Meskenet Ma(‘)zeret Teşkil Eder mi?)». Мемуары. – Стамбул, 1911 и мн. др.; первый переводчик комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» на турецкий язык.

² В статье анализ материала дается по изданию: *Mehmed Murad. Turfanda mı Yoksa Turfa mı? – İstanbul, 1980.*

³ Танзимат (осман. تنظيمات [tanzi‘mat] – «упорядочение», «уложение»; тур. *Tanzimât*) – принятое в литературе название модернизационных реформ (и самого периода их проведения) в Османской империи с 1839 по 1876 гг., когда была принята первая османская конституция (см.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Танзимат>).

рые раньше и в руки не разрешали брать. На страницах газеты “Мизан” под рубрикой “Образцы для подражания нашей литературы” мы открыли критическую дискуссию. Ее цель – с одной стороны, показать вредность таких произведений, демонстрирующих перед иностранцами уровень нашего художественного вкуса, а с другой – сказать, что не всякий, кто, взяв в руки ручку, используя вместо имен Лейла и Меджнун редко слышимые имена, написав рифмованными и изысканными выражениями любовные беседы или письма, может называться писателем.

Во время критики из почтеннейших уст можно было услышать слова: “Легко критиковать и возражать. Надо обладать мастерством, чтобы написать такой роман”. И вот, чтобы показать тем, кто так утверждает, я взялся за этот роман. Я не претендую на написание совершенного литературного произведения. Но я взялся за перо с мыслью, чтобы на основе новых идей и образов, которые отсутствуют в романах, компенсировать недостатки хорошего произведения и представить на суд уважаемых читателей сочинение, действительно достойное звания “народный роман”» [цит. по: Emil 1980: 7–8].

Роман Мурад-бея Мизанджи получил оценку и в трудах советских востоковедов. Вот мнение специалиста по турецкой литературе Л.О. Алькаевой: «Уже в первых романах и повестях, в которых действие происходит главным образом в Стамбуле (романы Намыка Кемаля «Приключение Али-бея» и Мурад-бея «Это первые плоды или необходимость?», повесть Ахмеда Мидхата «Эфлятун-бей и Рахим-эфенди»), есть картины нравов жителей столицы, чувствуется дух времени» [Алькаева 1958: 146].

Проблематика и художественное своеобразие

В основе романа Мурад-бея Мизанджи – жизнеописание молодого человека, турецкого интеллигента Мансура, начиная со дня его рождения и до самой смерти. Географические рамки жизнеописания героя достаточно широки: Алжир, Франция, Африка, Ливан, Сирия, Турция. Однако в произведении изображен лишь турецкий отрезок биографии Мансура. О других этапах его жизни и деятельности читатель узнает из авторских описаний, воспоминаний, писем, рассказов героев романа. Мансур – это идеалистичный, просветленный человек, символ новой, будущей Турции, носитель, просветительских, реформаторских идей. «Герой романа, как правило, в той или иной степени идеолог» [Бахтин 1975: 481]. Кипучая, не признающая никаких преград натура юноши отличается целеустремленностью. Личные качества главного героя проявляются в различных драматических ситуациях, в которых он оказывается на протяжении всего романа. Он обладает исключительно волевым и сильным характером, постоянно и упорно тренирует волю, закаляет себя, чтобы с честью выдержать трудности и испытания, выпавшие на его долю как социального и общественного реформатора. Личные интересы подчинены у него служению обществу и народу.

Прототипом главного героя романа является сам писатель. «Мансур своим характером, мировоззрением и окружением – это сам Мурад-бей с его идеями и характером» [Emil 1971: 473]. Более того, и сам Мурад-бей Мизанджи не отрицает этого. Некоторые свои письма из Парижа, адресованные семье, он подписывал именем «Мансур» [Mizanci 1911: 39].

С главным героем романа, который прибывает в Стамбул после окончания Парижского университета, читатель начинает знакомиться с описанием его внешнего облика. Однако это не поверхностное, упрощенное описание. Мансур обладает такими качествами, которые раскрывают его внутренний мир. «Безукоризненный внешний вид вызывал к нему расположение. Красивые, ясные, задумчивые, застенчивые глаза нашли прибежище под тонкими черными бровями. С гордо выступающими ноздрями, заостренный, тонкий нос, крупный, но красивой формы рот свидетельствовали о его благородстве и смелости. Все было гармонично в нем – белая кожа, черные волосы, широкие плечи, узкая талия. Одет тоже он был чисто и со вкусом... Его глаза были открыты. Но они были полны чувств и беспокойства, вызванных его размышлениями» [цит. по: Emil 1980: 6].

Мансур впервые прибывает в Стамбул – «центр Вселенной». Он – человек, который всегда живет больше мыслями и воображением, нежели видимыми фактами. Все, что он наблюдал в окружающем его мире, тотчас приводило его в состояние рефлексии. В нем начинали говорить воспоминания, и с этого момента он думал о том, насколько изменилась жизнь. Отсюда исходила его привычка предаваться воспоминаниям, говорить с самим собой, пребывать в мечтаниях и задумчивости. Свои ежедневные мысли и идеи, воспоминания, определяющие его повседневную жизнь и будущее, Мансур записывает в дневник «Другой я» («*Alter Ego*»). Однако это не тот дневник, в котором изливает свою душу человек, переполненный какими-то чувствами и эмоциями. Слова Цицерона «Благополучие государства – самый предпочтительный закон» («*Salus populi summa lex est*») на обложке дневника достаточно ясно говорили, чему посвятил свою жизнь и под каким углом зрения смотрел на нее главный герой романа.

Мансур, несмотря на одиночество и незащищенность, обладает волей и стремлением самостоятельно строить свое будущее. Родному дяде шейху Салиху-эфенди, который очень настаивал, чтобы он оставался в его доме, Мансур так объясняет свое жизненное кредо: «У тех, кто прибегает к помощи или протекже дядек, покровителей, отцов и им подобных, жизненный опыт бывает очень слабым... Тот, кто желает быть полноценным человеком, тот должен почувствовать горечь и радость опыта борьбы, называемой жизнью. Если люди познают голод и нужду, то они познают также цену сытости» [цит. по: Emil 1980: 66].

Его наблюдения в канцелярии министерства иностранных дел, куда он поступил через некоторое время на службу, вызывают у него чувство горечи, отчаяния и крушение иллюзий. С первых дней пребывания на службе герой находится в конфликте с сослуживцами и начальством. Его мировоззрение и характер, европейская культура и образованность, собственное мнение о государстве и падишахе находятся в постоянном и непримиримом противоречии с психологией и идеологией османского общества, в котором он живет и работает. Впечатление, которое производил центральный персонаж на окружающих, через некоторое время приводит к тому, что многие начинают пытаться очернить его, утверждая, что он наносит вред общему делу.

Из-за своих поступков, взглядов на жизнь, семью, общественную и личную мораль, служебную и профессиональную этику, любовь, характер Мансур наживает себе врагов не только в официальных учреждениях, но и в личной жизни, вплоть до того, что его даже хотят убить. Борьба в нем индивидуального с соци-

альной реальностью, в конце концов, приводит его к мысли о том, что необходимо быть полезным селу, о котором он так мечтал и для которого лично сам был способен что-либо сделать.

Сельская жизнь, «уход в народ» – это испытание физических и моральных сил Мансура, его характера на способность к практической реализации идей и планов, которые он вынашивал и строил всю свою жизнь. Как идеалист, имеющий развитое социальное сознание и верящий, что сможет возродить государство через возрождение села, он обладает также сформированными под влиянием воспитания, культуры, домашнего окружения взглядами на брак, любовь и семью. Мансур видит себя носителем национальной и исламской морали и заявляет, что он принес себя в жертву ради государства, и потому у него нет времени для семьи. Его взгляды на жизнь сформировались под влиянием домашнего воспитания, прочитанных книг и европейской культуры. Герой не принимает свободных, внебрачных связей между женщиной и мужчиной.

Со всеми этими чувствами, мыслями, в окружении безнравственности, бездуховности и подлости Мансур начинает сближаться с Зехрой, ставшей для него в жизни путеводной звездой. Любовь этого идеалиста к девушке сопоставима с любовью, испытываемой им к своей стране. Мансур воспринимает Зехру как идеальную для себя пару, достойную стать ему партнером и соратником во всех его делах. Однако под влиянием детских воспоминаний, в силу сдержанности характера и чувств он не открывается девушке, хотя и питает к ней тайную любовь. Вместе с тем к концу повествования они женятся. Взаимная любовь между супругами и твердые семейные отношения основываются на общности идеалов.

Образная система романа «Новый или новинка?», как уже было сказано, представлена двумя группами персонажей: «новыми», символизирующими будущее Турции, и «новинками», представляющими ее сегодняшней день. К «новым», кроме самого Мансура, относятся также доктор Мехмед-эфенди, Зехра, Фатьма и Ахмед Шунуди. Это не оторванные от реальности романтики-мечтатели, а люди дела, борцы, нашедшие свое счастье в служении государству и народу. Они выступают в романе как воплощение человеческого достоинства, благородства, разумных и нормальных нравственных представлений и жизненных правил. Их степень зрелости, образования и воспитания, характер и идеи намного опережают свое время. Независимые, не мыслящие свою жизнь без труда, они, стремясь к личному счастью, хотят, чтобы все люди жили хорошо, чтобы их беззаветная, самоотверженная служба государству принесла счастье и процветание народу и стране.

Противоположный «новым» героям лагерь в романе представлен целым рядом персонажей, которых писатель назвал «новинками». Это шейх Салих-эфенди, Рашид, Эмине, Сабиха, Эмин-паша и др. Их образ жизни и деятельность олицетворяют консерватизм, косность, отсталость и бюрократизм государственного аппарата Турции, продажность и порочность личных и семейных отношений.

Эту галерею образов в романе возглавляет шейх Салих-эфенди, ученый-богослов, имеющий хорошее состояние, занимавший в разные периоды жизни высокие государственные посты. Салих-эфенди является ярким противником османизма и тюркизма. Он одержим идеей создания исламского единства под эгидой Алжира, и все свои усилия и состояние тратит на осуществление этой идеи.

Шейх Салих-эфенди имел большое влияние в министерстве иностранных дел, в правительственных кругах. Это был типичный представитель османской бюрократии эпохи Танзимата. На службе он больше ценит звание и должность, нежели достоинство и талант. На этой почве Салих-эфенди часто конфликтует со своим племянником Мансуром. Его огорчает непримиримость, неуживчивость Мансура. Дядя, хотя и не принимает, и не понимает идеализма племянника, вместе с тем высоко ценит его образованность, талант и культуру. Однако не это было главным в его намерениях по отношению к юноше. В первую очередь он хотел видеть его своим единомышленником и мужем своей дочери Сабихи. В конечном итоге ни в том, ни в другом Салих-эфенди не достигает своей цели. Рокowym шагом в жизни шейха Салиха-эфенди стала его женитьба на молодой ветреной сестре Рашида, человека безнравственного, прирожденного преступника и афериста, который вызывает у окружающих ненависть и презрение, занимается интригами, приводящими его в конечном итоге к преступлению.

Поступок шейха вызывает осуждение не только у героев романа, но и у самого автора: «Салих, пренебрегая воспитанием и общественной моралью, не стесняясь перед родом ибн-Галибов своих седин и бороды, разговоров жены, с которой прожил тридцать лет, взрослых детей, друзей и близких, увидел достойным, чтобы место его жены заняла сестра такого типа, как Рашид» [цит. по: Emil 1980: 141].

Жизненный итог шейха Салиха печален. Жертвой преступного заговора становится его единственный сын Исмаил. В результате трагедии, происшедшей в его доме, он теряет семью: в пожаре сгорела жена, отравилась дочь. Моральная подавленность его дополняется физической немощью – левая сторона его тела парализована. После всего того, что он пережил, из близких людей у него остаются лишь Зехра и Мансур, которому он завещает все свое состояние. Физический и моральный крах шейха Салиха, по идее писателя, символизирует близкую катастрофу самой Османской империи. Ее отсталая экономика, огромный государственно-чиновничий аппарат, патриархально-консервативный уклад жизни граждан стали главным тормозом на пути прогресса страны и народа.

Проблему женщины в романе писатель решает не только через образы Зехры и Фатьмы, но и через другие женские образы. Одним из них является образ Эмине, жены Рашида, представляющей лагерь «новинок». Это бывшая уличная женщина. Ее единственное достоинство в том, что она хорошо танцует. Эмине видит особую вину своего мужа в посредничестве между Сабихой и Казимом. Вместе с тем как с Рашидом, так и с другими персонажами эту женщину связывают не чувства, а лишь корысть. В образе Эмине писатель воплотил аморальные качества опустившихся женщин турецкого общества.

Жертвой порочного семейного воспитания и собственного характера изображена в романе и Сабиха, дочь шейха Салиха. Природа щедро наделила ее красотой и привлекательной внешностью, однако ее внутренний мир беден и убог. Она некультурна и легкомысленна. Имея скверный и эгоистичный характер, она способна сделать подлость близкому человеку. Девушка думает лишь о низменных вещах, постоянно любит своей красотой.

Кроме главных героев в романе имеется и ряд героев второго и третьего плана. Галерею положительных героев дополняют доктор Нури; верная служанка Зехри – Несрин, сыгравшая немаловажную роль в раскрытии интриги против

безропотной, послушной жены Салиха; старший слуга Салиха – Хасан; гаремный слуга Билал, а также Наима, ставшая впоследствии женой доктора Мехмеда. В круг лиц, олицетворяющих силы зла в романе, во главе с Рашидом входят старший рецидивист, преступник конюх Ибрагим, убийца Исмаила, и аптекарь, давший ему ядовитые таблетки.

Тема любви занимает значительную часть сюжета романа «Новый или новинка?». По мнению Мурад-бея Мизанджи, любовь в будущем идеальном исламском обществе будет сочетать в себе и страсть, и восхищение красотой, и нравственную чистоту сливающихся в свободный союз любящих друг друга людей. Хотя тема любви и не становится доминантой повествования, она обращает на себя внимание тем, что в ней показаны особенности характеров и поступки отдельных персонажей и выражена их авторская оценка.

Самая высокая любовь в романе – это любовь Мансура и Зехры. Здесь важна не только чувственная сторона, но и идейная. Герои живут, не раскрывая друг перед другом своих чувств горечи и радости. До последних страниц романа их чувства скрыты, и борьба идет внутри них самих. Затем любовь переходит в следующую стадию: превращается в семейное счастье, которое сливается с общественным идеалом. Как поясняет сам писатель, это «скрытая любовь».

Второй тип любви, по определению автора, это «открытая любовь». Примером такой любви служат отношения между Сабихой и Казимом. Они удовлетворяют чувства и физиологические потребности. По мнению писателя, такая любовь ведет человека к нравственной деградации и моральному падению.

Третий тип личных отношений между молодыми людьми показан на примере Нури и Фатьмы, Мехмеда и Наимы. Этот тип отношений построен не столько на любви, сколько на стремлении заключить брак. Обручившись, стороны некоторое время изучают друг друга, узнают характер партнера и только после этого, если договорятся, становятся мужем и женой.

Сколько разных характеров, столько и идей в романе. Противоположные взгляды в произведении представлены так, чтобы придать мировоззрению главного героя большую конкретность, четкость, подтвердить ложность господствующего сознания эпохи и некоторых общественных тенденций.

Взгляды и идеи, носители которых мыслят по-разному, в соответствии с их пониманием жизни и общества, можно разделить на три категории: чиновничьи, идеологические и социальные. Чиновничьи – это взгляды Мансура на государство и государственных чиновников. Высказываемые героем в критической форме, они формируют господствующее сознание, которое должно опираться на чувство ответственности, профессиональной этики, отвергать безграмотность, служебную халатность и человеческую лень государственных служащих и стать для них заслуженной наградой, а не заботой о собственном благополучии, чинах и должностях. Идеологические взгляды в романе проявляются в ходе полемики, дискуссий и споров, происходящих вокруг идеи исламского единства. Защищая эту идею, с центром в столице Османского государства, Мансур противопоставляет себя дяде шейху Салиху и Ахмеду Шунуди – сторонникам идеи исламского единства во главе с Алжиром. Эта проблема, в виде развернутых диалогов между главным героем и его оппонентами, поднимается в шестой главе романа «Общие цели и противоречивые идеи». Социальные взгляды в произведении тоже пред-

ставлены в образе Мансура. Это его идеи, связанные с возрождением и развитием страны и села. Среди мероприятий по возрождению государства и формированию сознательного гражданина на первое место он ставит предоставление каждому человеку права обращаться в любой форме во все государственные инстанции, вплоть до правительства и самого султана. Будучи убежденным сторонником реформ государственной системы, Мансур ратует за всеобщее образование народа, открытие повсеместно учебных заведений типа Высших школ гражданских чиновников, создание по европейскому образцу регулярных пожарных частей, сил охраны общественного порядка, а также реформирование армии.

В композиции романа главенствующую роль играет *образ повествователя*, автора. Хотя писатель и излагает события, изображает героев, раскрывает их мысли и внутренний мир в отношении к Мансуру, повествование в романе ведется непрямой линией. Наряду с традиционным повествованием автор широко использует и такие приемы, как мемуары, дневник, переписка, самооценка, диалоги и внутренние монологи. Они дают ему возможность реалистично передавать характерные особенности представителей разных слоев общества.

Отличительной чертой романа является участие автора в оценке событий в качестве активного рассказчика. Его «рассказывание» встречается на каждой странице произведения, и порою автор, не желая выпускать из виду своих героев, прямо вмешивается в их жизнь и происходящие вокруг них события, давая им характеристики, комментируя и оценивая их поведение и поступки.

Рассматривая женщину как социально активного, равноправного члена общества и семьи, автор прямо ставит вопрос: «Женщина – это одна из вещей для украшения, мебелировки дома? Или она необходимый член семьи и общества?» [цит. по: Emil 1980: 155]. Такая постановка вопроса в турецком романе 1890-х гг. была поистине революционным шагом. Это свидетельствовало о гражданском мужестве Мурад-бея Мизанджи и необходимости скорейшего решения женского вопроса как одного из острых социальных вопросов османского общества.

В отношениях писателя к своим героям явно выражены его симпатии и антипатии. Они передаются посредством словесно-изобразительных средств (эпитет, сравнение, метафора и т. д.), оценки, характеристики и др. Так, в авторских характеристиках положительных героев преобладают возвышенные и красочные оценки, вызывающие положительные эмоции, в которых важным элементом становится эпитет: «красивые, ясные, задумчивые, застенчивые глаза» (Мансур), «жгучая, ослепительная красота», «прекрасная», «порядочность», «решительность» (Зехра), «некрасивый, но привлекательный, миловидный», «ясные, как августовская ночь, глаза», «смирный человек» (Мехмед). Автор не только симпатизирует своим любимым героям. В трудный для них час он словно «сходит» с позиций повествователя на страницы романа и встает рядом с ними, оказывает им свою помощь и поддержку, переживает за них и сочувствует им.

Важным компонентом повествования в романе являются *диалоги*. Через них автор стремится выразить определенную идею или раскрыть характер того или иного героя. Таковыми являются, в частности, беседы между Фатьмой и Зехрой, Мансуром и Эмин-пашой или Ахмедом Шунуди. К внутренним монологам в романе часто прибегают Мансур и Зехра. В минуту размышлений, сомнений, принятия важных решений они обращаются к себе или к неведомому собеседнику,

ища ответы на непростые вопросы или пытаюсь найти выход из сложных жизненных ситуаций. Иногда в своих внутренних монологах герои дают оценку своим поступкам или поступкам и действиям других персонажей. Кстати, Берна Моран отмечает, что Мурад-бей Мизанджи, в отличие от других романистов эпохи Танзимата (Реджаизаде Экрем, Шемседдин Сами, Ахмед Мидхат, Самипашазаде Сезаи и пр.), чаще прибегает к приему внутреннего монолога. По мнению критика, это не столько демонстрация способности Мансура к размышлению, сколько стремление писателя произвести на читателя определенное впечатление [Emil 1980: 80].

Наряду с традиционным повествованием, диалогами и монологами автор использует и такие *жанрообразующие формы*, как дневник, письма. Эпистолярный жанр в романе представлен перепиской между Мансуром, Зехрой, Фатьмой и Мехмедом. Используя эту форму повествования, автор «сокращает», «экономит» романное время, лапидарно информирует читателя о дальнейших событиях, которые произошли в жизни героев после трагических событий в доме шейха Салиха, показывает результаты практической реализации идей главного героя.

Важным элементом создания в романе авторской картины мира является *хронотоп*. В нем нет безвозвратного, прямолинейного течения времени. Здесь есть разрывы, скачки, движение назад и снова вперед. Время представлено в трех измерениях: в ретроспективном, настоящем и будущем. События происходят в «настоящем времени», основные персонажи также живут в «настоящем времени». Лишь Мансур в мыслях часто возвращается в прошлое. Периодические вспышки его памяти также показывают, что он живет в прошлом. Вторая глава романа «Возвращение в прошлое» целиком состоит из воспоминаний главного героя.

С категорией времени тесно связан другой важный компонент композиции – *категория места*. Как видно из описания различных мест, они схвачены писателем очень ярко. При изображении улицы или дома перед читателем предстает реальное, конкретное место во всех деталях, в документальном стиле, словно на фотоснимке. Вот, например, описание комнаты Мансура, когда в его отсутствие туда вошли Зехра и Фатьма: «В большой комнате был беспорядок. Между тем этот беспорядок произвел на вошедших девушек больше впечатления, нежели она была бы убрана. Потому что обстановка свидетельствовала о большой усталости его мысли от чтения и писания. На полу вокруг стола было разбросано много прочитанных французских, турецких, арабских газет, стол был полон беспорядочно сваленными книгами. Африканский дневник и незавершенная карта также были на столе» [цит. по: Emil 1980: 200].

Описание других мест, с учетом субъективного восприятия героев, носит не только чисто визуальный, а еще и интеллектуальный или романтический характер. Таковым, в частности, является описание крепости Анадолу Хисары, Сарайбурну, пристани Хункара, крепости Румели и других исторических мест Стамбула, которые наблюдает Мансур с палубы парохода.

Стиль романа больше напоминает публицистический, нежели художественный. Именно публицистический настрой придает роману социальную остроту и обличительный характер. Писатель использует выражения, штампы, напоминающие официальный стиль эпохи Танзимата. Видимо, причина кроется в том, что Мурад-бей Мизанджи был больше публицистом и философом, чем профессиональным писателем.

Эффективным *композиционным средством* в романе выступает противопоставление персонажей друг другу, ожидаемого и реального, сегодняшнего и будущего. Можно сказать, что контекстуальная антитеза пронизывает весь сюжет произведения. Уже в самом названии романа «Новый или новинка?» содержится элемент противопоставления. Кстати, это подтверждает и сам Мурад-бей Мизанджи в предисловии «Особое мнение»: «Говоря о названии романа, следует отметить, что оно выбрано специально. Изображенные в произведении Мансур, Зехра, Фатъма, Мехмет, Ахмед Шунуди являются новым продуктом эпохи. Являются ли они «новыми», то есть первыми из тех, кого в будущем будет много? Или они «новинки», то есть те, кто, потеряв свое достоинство в обществе, не вызывает ни у кого симпатий? Задавая эти вопросы читателям и разбудив тем самым в их сердцах чувства, мы пойдем, насколько правильно выбрали мы свою дорогу» [цит. по: Emil 1980: 8]. На антитезе построены и названия некоторых глав романа («Розы и шипы», «Прилив и отлив»), образная система произведения («новые» и «новинки»), описание быта и деталей жизни героев, их характеры и внутренний мир.

Ярко показаны в произведении противоречия между внутренним миром главного героя и его окружением. Мансур всю жизнь мечтал и грезил о Стамбуле. Для него этот город был смыслом жизни, мерилем всего прекрасного, центром вселенной. Он считал, что в этом городе живут самые лучшие, самые достойные, самые культурные и образованные люди, благочестивые мусульмане. Однако реальность, с которой он столкнулся с первых шагов пребывания в городе своей мечты, действует на героя отрезвляюще. Чаще к приему контраста писатель прибегает при характеристике персонажей, оценке их поведения, образа жизни. Талантливому, честному, образованному и искренне желающему служить родине и падишаху Мансуру противостоят его дядя шейх Салих-эфенди, понимающий государственную службу лишь как место, где получают награды и делают карьеру, Эмин-паша, заявляющий, что тот, кто следует букве закона, тот быстро устает и перестает усердствовать на службе, а также безответственные, неграмотные, бездарные чиновники канцелярии, томящиеся на службе от безделья. В диалоге Мансура с Эмин-пашой выявляются взгляды двух представителей османского общества на образование и воспитание народа, состояние государственных дел, перспективы развития страны, ответственность и профессионализм государственных служащих и чиновников, на получение молодыми турками европейского образования. В романе особо подчеркнута контрастность между представителями различных социальных и общественных слоев, их моральными ценностями и нравственными критериями.

Выводы

В романе «Новый или новинка?» автор стремится изобразить будущее османское общество, основанное на социально-экономических и культурно-нравственных ценностях ислама. Многие в этом представлении носят утопический характер, особенно то, что касается просвещенного, умного правителя, думающего и заботящегося о народе и государстве, прислушивающегося к голосу и советам, в первую очередь, национальной интеллигенции. Однако к концу пове-

ствования герои продолжают жить в том мире, в котором господствуют старые порядки. Крушение этого мира писатель не показывает явно, а лишь предсказывает намеками, завуалировано. При всей своей мажорности, вере в исполнение надежд на скорое обновление жизни роман «Новый или новинка?» построен на реалистических принципах. Он целиком обращен к теме реформирования османского общества второй половины XIX в., социального и духовного раскрепощения и нравственного совершенствования всех его слоев.

Литература

- Алькаева 1958 – *Алькаева Л.О.* Стамбул в турецкой художественной литературе // Турецкий сборник. – М.: ИВЛ, 1958. – С. 139–155. {*L.O. Alkaeva. Istanbul in Turkish fiction // Turkish Miscellany.* – Moscow: IVL, 1958. – PP. 139–155.}
- Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 481. {*M.M. Bakhtin. The questions of literature and aesthetics.* – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. – P. 481.}
- Emil 1971 – *Emil B.* Mizancı Murad Bey'in edebiyat ve tenkide dair görüşleri. – İstanbul, 1971. [Эмиль Б. Взгляды Мурад Бея Мизанджи на литературу и критику. – Стамбул, 1971.] {*B. Emil. Mizancı Murad Bey's views on literature and criticism.* – İstanbul, 1971.} (In Turkish.)
- Emil 1980 – *Emil B.* Mizancı Mehmed Murad ve romanına dair // *Mehmed Murad. Turfanda mı yoksa turfa mı?* – İstanbul, 1980. [Эмиль Б. Мехмед Мурад Мизанджи и его роман // *Мехмед Мурад. Новый или новинка?* – Стамбул, 1980.] {*B. Emil. On Mizancı Mehmed Murad and his novel // Mehmed Murad. Is it modern or bigoted?* – İstanbul, 1980.} (In Turkish.)
- Finn 1984 – *Finn R.P.* Türk Romanı (İlk Dönem 1872–1900). – Ankara, 1984. – S. 71. [Финн Р.П. Турецкий роман (Первый период 1872–1900). – Анкара, 1984. – С. 71.] {*R.P. Finn. Turkish novel (first period 1872–1900).* – Ankara, 1984. – P. 71.} (In Turkish.)
- Kaflı 1942 – *Kaflı K.* Şimali Kafkasya.– İstanbul, 1942. – S. 190. [Кафлы К. Северный Кавказ. – Стамбул, 1942. – С. 190.] {*K. Kaflı. The North Caucasus.* – İstanbul, 1942. – P. 190.} (In Turkish.)
- Mehmed 1980 – *Mehmed Murad.* Turfanda mı yoksa turfa mı? / Sadeleştirilen: B. Emil. – İstanbul: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1980. – S. VIII. [Мехмед Мурад. Новый или новинка? / Адапт. Б. Эмиль. – Стамбул: Издательство министерства культуры, 1980. – С. VIII.] {*Mehmed Murad. Is it modern or bigoted? / Adaptation by B. Emil.* – İstanbul: Publishing house of the ministry of culture, 1980. – P. VIII.} (In Turkish.)
- Mehmet 1972 – *Mehmet Murat.* Mansur bey. – İstanbul: Enderun Yayınevi, 1972. [Мехмет Мурат. Мансур бей. – Стамбул: Enderun, 1972.] {*Mehmet Murat. Mansur bey.* – İstanbul: Enderun publishing house, 1972.} (In Turkish.)
- Mizancı 1911 – *Mizancı M.* (Mehmed Murad / محمد مراد). Meskenet Ma(‘)zeret Teşkil Eder mi? / مسكنت معذرت تشکیل ایدرمی? [Есть ли оправдание нищете?] – İstanbul, 1911. – S. 39. {M. Mizancı. Is there any excuse for misery and poverty? – İstanbul, 1911. – P. 39.} (In Ottoman Turkish.)
- Mizancı 1999 – (*Mizancı Mehmed Murad.* Turfanda mı yoksa turfa mı? / Haz.: Tacettin Şimşek. – Ankara: Akçağ Yayınları, 1999. [(Мизанджи) Мехмед Мурад. Новый ил новинка? / Ред. Таджеттин Шимшек. – Анкара: Акчаğ, 1999.] {*(Mizancı) Mehmed Murad. Is it modern or bigoted? / Ed. by Tacettin Şimşek.* – Ankara: Akçağ publishing house, 1999.} (In Turkish.)
- Moran 2002 – *Moran B.* Türk romanında eleştirel bir bakış. – İstanbul, 2002. – Cilt I. – S. 80. [Моран Б. Критический взгляд на турецкий роман. – Стамбул, 2002. – Том. 1. – С. 80.] {*B. Moran. A critical look at Turkish novel.* – İstanbul, 2002. – Vol. 1. – P. 80.} (In Turkish.)